

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99

Олицетворение в речи рассказчика-ребенка (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс)

Наталья Николаевна Николина

ассистент кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина 51. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-код: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Статья поступила в редакцию 08.07.2021

Одобрена после рецензирования 14.09.2021

Принята к публикации 17.11.2021

Информация для цитирования

Николина Н. Н. Олицетворение в речи рассказчика-ребенка (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 89–99. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99

Аннотация. В статье рассматривается олицетворение в речи рассказчика-ребенка. Наряду с другими грамматическими и лексическими особенностями детской речи выделяется использование детьми олицетворений. Наличие олицетворений в речи детей и человека вообще объясняется метафоричностью, а также антропоцентризмом человеческого мышления и речи.

Олицетворение может выступать характеристикой рассказчика-ребенка в художественных произведениях для взрослой аудитории. В ходе исследования был проведен анализ двух современных произведений на английском языке: “Room” (Emma Donoghue, 2010) и “All the Lost Things” (Michelle Sacks, 2019). Оба романа повествуют о некоем травмирующем опыте, пережитом детьми или их близкими, раскрывая темы насилия (физического и психологического), похищения, изоляции, лжи и памяти.

Романы также объединяет наличие юных рассказчиков, при этом подобный прием не является новым в литературе. В выбранных нами произведениях рассказчики – дети дошкольного и младшего школьного возраста (5 и 7 лет). В ходе анализа речи рассказчиков были выявлены примеры олицетворения, выраженные разными частями речи. Все примеры могут быть разделены на группы в зависимости от того, что подвергается олицетворению: предметы быта и объекты окружающего мира, части тела, животные, абстрактные понятия, растения, неживая природа. Также установлено, что олицетворение как речевая характеристика рассказчика-ребенка может выполнять несколько функций: придание правдоподобия такому рассказчику, выражение эмоций рассказчика, сообщение информации, важной для понимания сюжета.

Ключевые слова: речевой образ рассказчика-ребенка; метафора; антропоцентризм; олицетворение.

В англоязычной литературе использование в качестве главных героев и рассказчиков детей не является новым приемом. Подобное встречалось в литературе и раньше, при этом адресацию данных произведений довольно сложно определить.

Отмечается, что такие произведения XX в., как «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, «Убить пересмешника» Х. Ли, «Повелитель мух» У. Голдинга, «хотя они и не были написаны с расчетом на юных читателей»¹ [Beckett 2009: 17], «давно

популярны среди подростков» [ibid. 23]. Отмечается двойственность некоторых произведений XIX в.: так, «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена «на уровне простого повествования» могут предложить что-то юным читателям, но, по сути, являются книгой «для взрослых» [Wall 1991: 116].

Сегодня происходит и обратный процесс: романы, написанные для детей и подростков, популярны среди взрослых (серия книг о Гарри Поттере). Используется понятие *crossover literature* – книги, «которые переходят от детской аудитории к взрослой или наоборот» [Falconer 2004: 556]. Некоторые произведения XXI в., написанные для детей («Мальчик в полосатой пижаме» Д. Бойна, «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер), могут привлечь взрослых своей серьезной тематикой: опыт Второй мировой войны и проблема терроризма. В свою очередь, романы, адресованные взрослым («Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона), могут быть отнесены к подростковой литературе из-за юного рассказчика.

От подобных произведений отличаются те, которые, несмотря на наличие рассказчиков-детей или описания детства, рассчитаны для взрослых и не привлекают детскую аудиторию (“Hideous Kinky” Э. Фрейд, “Room” Э. Донохью, “Our Endless Numbered Days” К. Фуллер, “All the Lost Things” М. Сакс). Причины использования качества рассказчика ребенка могут быть разными. Это может быть стремление усилить или, наоборот, смягчить эмоциональное воздействие на читателя. Рассказчик-ребенок также позволяет авторам рассмотреть некоторые ситуации или предметы под новым углом, путем отстранения, побуждая читателя по-новому взглянуть на них. Установление причин для обращения к рассказчику-ребенку может быть темой отдельного исследования, нам же хотелось бы сосредоточиться на формальном аспекте: как ребенок-рассказчик может быть представлен в тексте.

Во-первых, юный рассказчик говорит о «ситуациях, видах деятельности, взаимоотношениях, типичных для ребенка» [Войткова 2011: 9]. Однако читатель понимает, что перед ним ребенок не только благодаря темам, которые больше свойственно обсуждать детям, нежели взрослым, но и благодаря особенностям речи юного рассказчика. Стратегии авторов при создании речевого образа рассказчика при этом разнятся. Некоторые предпочитают использовать манеру повествования, свойственную скорее взрослому, нежели ребенку. Например, в романе Эстер Фрейд “Hideous Kinky” повествование ведется от лица пятилетней девочки, однако ее речь ничем не отличается от речи взрослого человека. Такой

подход иногда вызывает недовольство читателей, так как юный рассказчик выглядит менее реалистично. Другие авторы, наоборот, пытаются имитировать детскую речь, воссоздавая определенные ее характеристики. Разница заключается в том, воспроизводятся ли только фонетические, лексические или грамматические особенности детской речи или же все они вместе. Речь рассказчика-ребенка при этом может быть в целом похожа на речь взрослого, но содержать некоторые элементы речи детей. Зарубежные и отечественные исследователи выделяют различные характеристики детской речи: нарушения в образовании форм неправильных глаголов [O’Grady 2005: 21–24], чрезмерная генерализация [Denham, Lobeck 2013: 33], инверсионные ошибки [Tomasello 2009: 81], сокращения [Солнцева 2013: 79], уменьшительные суффиксы [Цейтлин 1989: 9] и олицетворения [Чеботарева 1996].

Важно помнить, что даже если авторы решают создать речевой образ рассказчика, близкий к речи реального ребенка, то это все равно будет моделирование, «стилизация повествования», «уподобление детской речи» [Войткова 2011: 10]. Безусловно, авторы, создавая речевые образы юных рассказчиков, могут и не знать, какие именно черты присущи детской речи, а точнее, какие черты выделяются исследователями, анализирующими детскую речь. Можно предположить, что писатели, моделируя речь персонажей, опираются на свой жизненный опыт: в речи героев могут быть отражены особенности речи детей, которые авторы, так или иначе, замечали в реальности. Например, автор романа “Room” Эмма Донохью отмечает, что при создании образа героя своей книги – пятилетнего мальчика – она отчасти ориентировалась на речь и поведение своего сына: «Мне помогло то, что моему собственному сыну было пять лет... <...> Я попыталась выделить элементы поведения, мышления и речи моего сына, которые разделит бы любой пятилетний ребенок» [Donoghue: электронный ресурс]. Авторы сами задают границы и создают правила изображенного ими мира. Это может касаться и, в том числе, речи героев произведения. Однако в нашем исследовании речи рассказчиков-детей нам бы хотелось особенно выделить тот факт, что речевые характеристики юных героев зачастую небезосновательны и связаны с реальной детской речью. То, как писатели изображают речь детей в своих произведениях, соответствует действительно выделяемым учеными особенностям детской речи.

В данной статье мы рассматриваем только олицетворение в речи рассказчиков-детей. Важно подчеркнуть, что нас интересует лингвистический аспект олицетворения, а именно его

представленность в художественном тексте. Обращение к исследованиям из других сфер связано с нашим стремлением показать, что олицетворение действительно является характеристикой человеческого мышления и речи, следовательно, его использование писателями может иметь под собой веские основания. Перед нами стоит несколько целей: во-первых, выяснить, как наличие олицетворения в человеческой речи объясняется особенностями нашего мышления; во-вторых, как олицетворение функционирует в реальной речи детей и, следовательно, насколько обоснованным является использование олицетворения для создания правдоподобного речевого образа ребенка в произведении. Основной же целью нашего исследования является анализ олицетворения в речи рассказчиков-детей: что может подвергаться олицетворению и чем олицетворения могут быть выражены в художественном тексте. Наконец, необходимо определить, как работает олицетворение в тексте: направлено ли его использование только на создание правдоподобного речевого образа рассказчика-ребенка либо же могут быть выделены другие функции. В ходе работы был произведен лингвистический анализ, сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки.

Теоретической базой исследования являются исследования отечественных авторов, а именно научные работы И. М. Чеботаревой, В. И. Постоваловой, В. Н. Телия, К. В. Солнцева, Н. К. Войтковой и др., а также работы зарубежных исследователей: Дж. Лакоффа, У. О'Грейди, Б. Уолл, Р. Фалконер и др.

Актуальность исследования обуславливается тем, что повествование от лица детей все чаще встречается в литературе для взрослой аудитории, однако объектом исследования рассказчик-ребенок становится не так давно. Лингвистические особенности речи такого рассказчика требуют углубленного изучения, изображение речи ребенка в произведениях является привлекательным предметом исследования как для отечественного, так и для зарубежного научного сообщества [Hurst 1990; Кварцхелия 2007; Солнцева 2008; Войткова 2011]. Актуальной является тематика анализируемых романов, посвященных активно обсуждаемой сейчас теме насилия. Научная новизна исследования заключается в том, что анализируется речь рассказчиков-детей именно в художественных произведениях для взрослых.

В качестве анализируемых произведений нами были выбраны два романа на английском языке. В них мы видим описание определенного травмирующего опыта, произошедшего в жизни главных героев. Авторы показывают последствия такого опыта и попытки его преодоления.

Помимо этого, в романах раскрываются темы изоляции, лжи и памяти.

Роман 2010 г. канадско-ирландской писательницы Эммы Донохью "Room" рассказывает читателю историю мальчика Джека и его мамы. Проведя несколько лет в плену маньяка в закрытом помещении, которое они называют Комната, они планируют побег, который им удастся осуществить. После этого мы наблюдаем процесс их адаптации к жизни в реальном мире.

В романе Мишель Сакс "All the Lost Things" 2019 г. отец девочки отправляется вместе с ней в «путешествие». На самом же деле, после убийства жены мужчина пускается в бега, взяв с собой дочь. По мере того, как она и отец все дальше отдаляются от дома, главная героиня начинает понимать, что все происходящее ненормально.

Оба романа также объединяет наличие в качестве рассказчика ребенка младшего возраста (5 и 7 лет). Авторы по-разному моделируют речь своих главных героев. Больше всего детскую речь напоминает речь героя романа "Room", в ней много грамматических и лексических ошибок, неологизмов:

"...that means I **winned**..." (Donoghue, 15);

"Then **the wonderfulest** thing..." (ibid., 27);

"That **remembers** me to do mine..." (ibid., 157);

"Deana gives me a wet wipe to **unsticky** my fingers..." (ibid., 185).

Речь героини романа *All the Lost Things* выглядит более нейтрально, грамматические ошибки в тексте отсутствуют. Однако можно сказать, что используемая лексика соответствует особенностям речи детей, так как в ней много преувеличений (дети «легко снабжают предметы и объекты гиперболизированными оценками» [Амзракова 2019: 126]) и олицетворений:

"Being lost is **the SECOND WORST THING in the world**..." (Sacks, 16);

"...and it's **the best treasure I have ever seen**" (ibid., 17);

"...where my **tooth had lived**" (ibid., 180);

"No one said anything for a **million hours**" (ibid., 185).

Сосредоточиваясь на олицетворении в двух романах, мы придерживаемся определения, которое дает И. М. Чеботарева в своей работе «Олицетворение в детской речи». Сам троп она определяет как «перенесение человеческих черт (шире – черт живого существа) на предметы и явления неживой природы, животных, мифических существ» [Чеботарева 1996: 5], однако тут же уточняет, что в детской речи олицетворения – это не троп, не «сознательно применяемый прием усиления выразительности и образительности высказывания», а «особенность самого детского мировосприятия» [там же: 13–14].

Относительно детского мышления и речи в ее работе присутствует широкое и узкое понимание олицетворения как:

а) «оживления», заключающегося в наделении неодушевленных предметов свойствами живых существ;

б) «очеловечивания», состоящего в том, что живым существам, реалиям неживой природы и отвлеченным понятиям приписываются человеческие свойства (свойства существа мыслящего и действующего осознанно) [там же: 6].

Некоторые зарубежные исследователи определяют олицетворение (*personification*) в мышлении только в его узком значении: «распространение человеческих качеств на любого, кто не является человеком» [Hatano, Inagaki 1987: 1013].

И. М. Чеботарева отмечает, что «наличие целой парадигмы терминов: олицетворение, персонификация, прозопопея, антропоморфизм, анимизм, артификализм – свидетельствует о гносеологической ценности процесса олицетворения, о сложности его интерпретации и о попытках отграничить олицетворение от целого ряда смежных, но нетождественных явлений» [Чеботарева 1996: 6]. Действительно, в зарубежных работах можно встретить определения антропоморфизма, которые близки определению олицетворения, как узкому, так и широкому его пониманию. Так, Рейчел Северсон и Шайли Вудард определяют антропоморфизм как «присваивание внутренних состояний нечеловеческому окружению (животным, неживой природе или технологиям), включающее в себя представление разума и внутренних состояний этого окружения» [Severson, Woodard 2018]. Однако в другой работе так определяется анимизм, антропоморфизм же понимается более узко: «термин анимизм обычно используется для обозначения приписывания преднамеренных действий и общей концепции “жизни” объектам и природным явлениям. Антропоморфизм – это, в частности, приписывание человеческих психических состояний или аффектов нечеловеческим существам» [Airenti 2018]. В данном исследовании мы будем придерживаться понятия «олицетворение» и его интерпретации, данной И. М. Чеботаревой.

И. М. Чеботарева разделяет олицетворение и метафору. Соглашаясь с данным утверждением, мы, тем не менее, считаем, что метафора как мыслительная операция важна для понимания природы олицетворения. Если говорить о том, почему олицетворения возникают в речи детей и в речи человека вообще, то анализ работ, посвященных данной теме, показывает, что это связано с метафоричностью человеческого мышления и языка. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джон-

сон, метафора «пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. Метафора является важным инструментом человеческого познания мира, так как позволяет «понимать одну область опыта в терминах другой» [там же: 148].

Распространенными примерами метафоры являются случаи, когда «материальный объект интерпретируется как человек», что позволяет людям осмысливать «опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей» [там же: 59]. Объекты окружающего мира могут быть освоены не только путем их соотнесения с психологическими характеристиками, свойственными человеку, но и через их соотнесение с человеческим телом. Говоря о телесной метафоре, Ю. А. Башкатова рассуждает о человеческом теле как основании для «метафорического осмысления действительности» [Башкатова 2013: 24]. Подобное осмысление происходит потому, что тело является «первой сферой человеческого опыта» [там же: 25].

Полагаем, что в данном случае можно говорить об антропоцентризме человеческого мышления и речи. Сознание человека «антропоцентрично по своей природе» [Телия 1988: 173]. Человек осваивает окружающий его мир исходя из собственного опыта, «не бывает картин мира полностью неантропоморфных, внечеловеческих, так как картины мира есть всегда картины, увиденные глазами человека» [Постовалова 1988: 35].

Понимание метафоры как инструмента познания сближает ее с олицетворением: дети используют олицетворение для понимания нового через уже известное, а именно – через сферу человеческого. Отмечается, что олицетворение – «это средство для детей, позволяющее сформировать обоснованное предположение о менее знакомых, нечеловеческих объектах, используя их богатейшую область знаний, а именно – знания о людях» [Hatano, Inagaki 1987: 1020].

Таким образом, факт наличия олицетворения в детской речи (и в человеческой речи вообще) связан с метафоричностью человеческого мышления, в частности – освоением нового через уже известное. Сферой известного является сам человек, его тело и психика. Освоение действительности через данные понятия объясняется антропоцентричностью человеческого мышления и речи.

Если говорить о выражении олицетворения в детской речи, то оно может быть представлено глаголами «разнообразных семантических и сло-

вообразовательных группировок» [Чеботарева 1996: 8]. Дети могут проецировать движения человека, «близкие и понятные», на «действия и движения неживых предметов» [Попова 2018: 185]. Также «достаточно распространено» такое языковое средство, как обращение [Чеботарева 1996: 8]. «Олицетворяющими потенциями» обладают прямая речь, когда объектам, подвергающимся олицетворению, приписываются определенные реплики, и диалоги, в которые ребенок вступает с неодушевленными предметами или животными, при этом в диалогах ребенок выступает в роли «интерпретатора ситуации» [там же: 8–9].

Что касается выбранных для анализа романов, количество примеров олицетворения в речи главных героев неоднородно, эти примеры отличаются по своей структуре и представлены разными частями речи. Все найденные примеры мы разделили на тематические группы согласно тому, какие объекты окружающей действительности рассказчика-ребенка или персонажа-ребенка подвергаются олицетворению. В начале представлены те группы, в которых олицетворение встречается наиболее часто.

1. Олицетворение предметов быта и объектов окружающего мира

Олицетворения предметов быта выражаются личными и притяжательными местоимениями *he/his* и *she/her* вместо грамматически верного *it/its*. Подобное олицетворение часто встречается в романе Донохью и усиливается написанием олицетворяемых предметов с заглавной буквы.

“...give **Plant** a cup of water in **Sink** for no spilling, then put **her** back on **her** saucer on **Dresser**” (Donoghue, 10).

Отмечается, что подобное написание существительных говорит о том, что «Джек не видит разницы между обычными нарицательными, такими как “стол”, и существительными собственными, поскольку он воспринимает их как относящиеся к уникальному знаку, а не к типу или категории объектов» [Caracciolo 2014: 186]. Он считает, что предметы уникальны, «не подозревая, что множество объектов одного вида существуют в мире» [Rubik 2017: 221].

О том, что предметы олицетворяются, мы также можем понять по наличию глаголов, обозначающих действия людей.

“...to look at **Watch**, **he** says 07:14” (ibid., 7).

“I choose **Meltedy Spoon** <...> when **he** leaned on the pan...” (ibid., 8).

“Plant used to live on **Table**...” (ibid., 10).

“...**TV** died and I cried, ...” (ibid., 11).

“**Bouncy Ball** loves to get lost in **Labyrinth**...” (ibid., 14).

В романе “All the Lost Things” также встречаются олицетворения предметов быта и окружающего мира, выраженные глаголами:

“...the **refrigerator** sighed” (Sacks, 34);

“The **gravel** nipped at my hand...” (ibid., 55);

“...and the **Jeep** ate up the road” (ibid., 57).

Подобные олицетворения могут передавать особое мироощущение главных героев или их эмоциональное состояние. Следующие примеры из романа “Room”, которые описывают сцену побега Джека и его первое в жизни нахождение за пределами Комнаты, подчеркивают враждебность окружающего мира для Джека. В этих примерах он является не субъектом, а объектом действия.

“The **ground** breaks my feet **smash** my knee **hits** me in the face...” (Donoghue, 107).

“Suddenly arghhhhhh the **street** bangs me...” (ibid., 109).

Нечто похожее мы видим в примерах из романа “All the Lost Things”. Недоверие и сомнения Долли не всегда выражены в ее речи и мыслях напрямую, наоборот, они вкладываются, если так можно сказать, в «уста» окружающих объектов. Как видно из примеров, эти объекты «ведут себя» по отношению к Долли и ее отцу негативно. Считаю, что так автор передает эмоции девочки, сообщает читателю о ее нарастающем недоверии к отцу и всему, что с ней происходит.

“...**trailer** homes and they **howled** at us to look away” (Sacks, 125–126).

“The **blue X's** of all the flags were waving to us as we went by, **reminding** us that everything was all **wrong**” (ibid., 150).

Олицетворение предметов может быть мотивировано их внешним сходством с человеком или животными, так как «внешний вид – это то, на основании чего ребенку легче всего установить сходство между объектами действительности» [Войткова 2011: 17]. Так, например, в романе “Room” духовой шкаф плиты мальчик описывает как «животик Плиты». Таким образом, он осмысляет строение плиты через уже знакомый ему концепт человеческого тела.

“...into **Stove's** hot **tummy**” (Donoghue, 19).

Внешнее сходство предметов с живыми существами может быть отражено в названиях предметов, что также может являться одной из причин олицетворения таких предметов детьми. Подобные примеры были найдены в романе “Room”, где главный герой олицетворяет стойку для сушки белья (*clothes horse*) и антенну (*bunny*). На факт олицетворения, помимо написания данных существительных с заглавной буквы, указывает использование местоимений *he/his*, глаголов, обозначающих действия людей (*to grumble*,

to say), а также существительных, обозначающих части тела живых существ (*ears, head*).

“... against **Clothes Horse**. He always **grumbles** and **says** there’s no room...” (Donoghue, 9).

“Ma moves **Bunny** around real slow to better the picture with **his ears and head**” (ibid., 11).

Отдельного внимания заслуживают олицетворения таких предметов, как куклы. Сам факт наличия кукол и взаимодействия героев с ними создает правдоподобный образ рассказчика-ребенка: как известно, дети часто воспринимают игрушки одушевленно в процессе игры.

В романе “All the Lost Things” встречается прием, когда через материальный объект – куклу – передаются эмоции рассказчика.

“**Her heart was angry and pounding**” (Sacks, 150).

Стоит отметить, что героиня романа Долли на протяжении всей истории разговаривает со своей любимой куклой Клеместой. Их диалоги очень важны для понимания романа, поскольку они косвенно дают нам понять, что произошло. Мысли куклы Клеместы, диалоги между Долли и куклой – это подавляемые Долли воспоминания и сомнения.

“Dolly, **I don’t like this**,” Clemesta said. “Not one bit.”

“Stop it,” I said. “You’re **spoiling** my **adventure** with Dad with all your **NAGGING** and **GLOOMINESS**.”

“**I don’t think it’s an adventure**,” she said.

“It is too, now **ZIP IT** already.” (Sacks, 83).

“**I don’t remember** anything,” I said.

She bit her lip. “**I think I do**.” (ibid., 58).

Таким образом, анализ примеров данной тематической группы показал, что олицетворения могут выполнять несколько функций в тексте. Помимо того, что они помогают автору создать правдоподобный образ ребенка (детям свойственно олицетворять предметы, в том числе игрушки), они также могут быть использованы автором для передачи эмоционального состояния героя.

2. Олицетворение частей тела

В речи главного героя романа “Room” мы можем встретить олицетворение определенной части его тела. На факт олицетворения указывает прилагательное *silly*, что применительно к людям, а также написание существительного. Более того, для замещения данного существительного используется местоимение *him*, хотя правильнее было бы использовать местоимение *its*.

“Silly **Penis**...” (Donoghue, 24).

“...it’s not like **Penis**, or Ma’s vagina...” (ibid., 185).

“...there’s a drawing that I think is a **penis**...” (ibid., 207).

Два последних примера указывают на тот факт, что Джек олицетворяет данную часть тела, принадлежащую только ему, поскольку с ней он активно взаимодействует, в отличие от половых органов других людей. Другие части тела – пальцы, руки, ноги и т. д. – рассказчиком не олицетворяются, что, возможно, объясняется физиологией и особым характером взаимодействия героя с данной частью тела.

“...I have five **fingers** each **hand** and the same of **toes**...” (ibid., 13).

Несколько примеров олицетворения встречаются в тексте романа “All the Lost Things”. Так, был найден один пример олицетворения, в котором героиня персонифицированно описывает свои зубы, используя прилагательное *busy*.

“...I checked my **teeth** with my tongue. **They** are very **busy** at the moment” (Sacks, 27).

Олицетворения в романе также выражаются глаголами действий, используемыми по отношению к людям (*to yell, to try, to tell, to live*), прилагательными, которые означают человеческие эмоции (*scared, angry*), обращением (*legs*), этикетным междометием (*sorry*).

“The blood oozed out and the **skin** underneath **yelled** at me” (Sacks, 120).

“His **skin** prickled from being **scared** of the cold...” (ibid., 136).

“...The blood came out. The new **skin** was **angry**...” (ibid., 153).

“...her **blood** was sitting right there under the skin, boiling and **angry** at whoever did it to her. <...> It was **trying to tell** me something important” (ibid., 154–155).

“**SORRY, LEGS**, ...” (ibid., 179).

“...where my **tooth** had **lived**” (ibid., 180).

Как мы уже упоминали ранее, в некоторых найденных нами примерах олицетворения могут выполнять несколько функций. Одна из них – выражение эмоционального состояния рассказчика. В романе “All the Lost Things” был обнаружен пример олицетворения сердца. В тексте он находится в той части романа, когда отец Долли признался в убийстве жены и его арестовали. Грусть Долли в данном случае не сообщается напрямую, а передается через олицетворение.

“All of me was cold too, like my **heart** had decided to stop beating the blood around. Probably it was **too sad** to do it anymore” (ibid. 195).

Интересными являются примеры, связанные с кровью и синяком. Долли, рассматривая синяк другой девочки (“I stared at her bruise” (ibid., 154)), думает, что «рассерженная» (*angry*) кровь «пытается что-то ей сказать» (“was trying to tell me something” (ibid., 154)). На протяжении всей истории Долли пытается вытеснить из памяти воспоминание о том, что отец убил мать. Но ее

подсознание постоянно напоминает ей об этом. Это выражается в подобных примерах. Поэтому олицетворение, помимо придания правдоподобия речи рассказчика и выражения эмоционального состояния героя, может выполнять еще одну функцию – косвенно сообщать читателю информацию, необходимую для понимания сюжета.

3. Олицетворение животных

В романе “All the Lost Things” героиня приписывает животным поведение, больше похожее на человеческое: так, например, они оплакивают своих любимых:

“Some were **crying** because **their beloved ones** got eaten in the dark” (ibid., 144).

Олицетворения могут быть выражены этикетным междометием *sorry* и обращением к олицетворяемому объекту, при этом рассказчик надеется на животных разумом и чувствами.

“...**Sorry, Beloved Cat...**” (Sacks, 14).

Олицетворения животных также выражаются глаголами. В романе “All the Lost Things” звуки, которые издают животные, описываются с помощью глаголов, обозначающих действия людей (*to chat, to laugh*). Также животным приписываются умственные способности, по всей видимости, аналогичные человеческим (*to understand*).

“...you could hear the **birds chatting...**” (ibid., 133).

“...the noisy old **crickets** who were **laughing** at our bad luck” (ibid., 156).

“Also you shouldn’t talk to black cats <...> They always **understand...**” (ibid., 14).

Значительная часть олицетворений выражается в прямой речи и диалогах. Такие примеры могут быть найдены в романе “All the Lost Things”, когда Долли обращается к животным или «разговаривает» с ними, придумывая реплики за них. Примечательно, что животные в данном случае могут выступать трансляторами размышлений и эмоций девочки для читателя. Так, например, вопрос медведя, по сути, отражает панику Долли, когда она потерялась в зоопарке. Слова орла выражают злость Долли на мальчика из парка развлечений. А фраза собаки о Хэнке (владельце), который помогает Долли и ее отцу, когда у них ломается машина посреди дороги, и пускает их к себе переночевать, говорит либо о доверии Долли этому человеку, либо о том, что ей страшно и так она пытается себя успокоить.

“I was also in a panic as soon as I realized I was lost, which was when I was **talking to the Andean Bear** and **he said**, “Dolly, where’s your mom?” (ibid., 16).

“Never mind,” **the eagle said**, “he will probably die young...” (ibid., 89–90).

“We will be excellent friends,” **he said**. “And by the way, Hank is a very nice man and he won’t chop you up and cook you into human soup.” (ibid., 161).

Таким образом, олицетворения опять выполняют сразу несколько функций, создавая правдоподобный образ ребенка и выражая его эмоции.

4. Олицетворение нематериального

Некоторые исследователи отмечают, что в детской речи почти нет примеров олицетворения отвлеченной лексики: детям свойственно «установление сходства между конкретными объектами», тогда как взрослые могут сопоставлять между собой признаки, в том числе, «отвлеченных объектов» [Шабалина 2007: 19].

Однако в романе “All the Lost Things” мы видим, что героиня описывает абстрактные понятия (радость, сонливость, слова) через олицетворение:

“Inside my stomach I had **ONE THOUSAND butterflies**” (Sacks, 10);

“...my **sleep** still **didn’t** want to go away” (ibid., 11);

“...a very good **word sitting** in my brain **waiting** to make a match” (ibid., 14).

В романе также используется целый образ, который героиня создает для осмысления поведения своего отца. Долли сложно принять тот факт, что ее отец может быть жестоким и причинять боль матери. Его приступы ярости девочка олицетворяет, придумывая медведя – *Mr. Angry Bear*, который живет внутри отца и периодически просыпается.

“He doesn’t mean it,” I said. “It’s just **Mr. Angry Bear**. We **woke him** today.”

“I don’t know, Dolly,” Clemesta said. “I don’t think it’s really a bear.” (ibid., 92).

“I felt sorry for Mom, for having to live with him and **Mr. Angry Bear inside his chest**” (ibid., 100).

“Lies make **Mr. Angry Bear wake up**. He gets so **mad...**” (ibid., 161).

5. Олицетворение растений

В романе “All the Lost Things” мы находим развернутый диалог главной героини с дубом:

“Why don’t you climb to the top of my tree and live here a while?” **Mr. Majestic Oak said** as we passed. <...>

“I wish I could,” I called.

Mr. Majestic Oak waved his arm. “Too bad,” **he said**. **He was sad to say** goodbye” (Sacks, 76).

6. Олицетворение неживой природы

В романе *All the Lost Things* нами был найден только один пример олицетворения неживой природы – олицетворение тумана.

“...**the fog kissing** the tops of the trees” (Sacks, 146).

Таким образом, в ходе исследования мы проанализировали примеры олицетворения в речи рассказчиков-детей в двух романах для взрослой аудитории. Мы выяснили, что использование олицетворения в речи рассказчиков может быть связано с реальной языковой действительностью: олицетворения встречаются в речи детей, так как они таким способом – через сферу человеческого как знакомого – познают новое и неизвестное. Это объясняется антропоцентризмом человеческого мышления и речи, а также метафоричностью мышления. Соответственно, такая характеристика детской речи, как использование олицетворений, может быть применена в речи рассказчика-ребенка для придания ему правдоподобия в художественных произведениях, рассчитанных на взрослую аудиторию. Анализ олицетворений, представленных в романах “Room” и “All the Lost Things”, где главным героям 5 и 7 лет, позволил нам определить, что такой способ придания правдоподобия действительно эффективен. В каждом романе присутствует система олицетворений разных тематических групп (предметы, части тела, животные, абстрактные понятия, растения, неживая природа), выраженных разными частями речи: существительными, местоимениями, глаголами, прилагательными. На факты олицетворения также указывают написание существительных с заглавных букв, обращения и диалоги. В ходе анализа было выяснено, что наличие олицетворений в произведении может выполнять несколько функций: 1) придание правдоподобия речи рассказчика-ребенка, 2) выражение эмоций рассказчика, 3) имплицитное сообщение информации читателю, важной для понимания сюжета.

Примечание

¹ Здесь и далее все цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе автора статьи.

Список источников

Donoghue E. Room. London: Picador, 2010. 401 p.

Sacks M. All the lost things. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2019. 288 p.

Список литературы

Амзаракова И. П. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребенка: акмеологический подход // *Филология и человек*. 2019. № 2. С. 123–133.

Баикатова Ю. А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2–2(54). С. 24–27.

Войткова Н. К. Лингвистическая специфика изображения повествователя-ребенка в современном немецком художественном нарративе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

Кварцхелия Ш. М. Концептуальное моделирование языкового образа ребенка в английской реалистической прозе XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Попова А. Р. Метафорическая образность в речи ребенка дошкольного возраста // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2018. № 189. С. 178–188.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

Солнцева К. В. Словообразовательные средства английского языка как способ создания речевого портрета ребенка в англоязычной художественной прозе // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. Т. 3. № 4(53). С. 77–81.

Солнцева К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Цейтлин С. Н. Детская речь: Инновации формирования и словообразования (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989. 427 с.

Чеботарева И. М. Олицетворение в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 16 с.

Шабалина О. В. Структура и функционирование метафоры в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 24 с.

Airenti G. The Development of Anthropomorphism in Interaction: Intersubjectivity, Imagination, and Theory of Mind // *Frontiers in Psychology*. 2018. 9:2136. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02136/full> (дата обращения 27.06.2021)

Beckett S. *Crossover Fiction: Global and Historical Perspectives*. New York: Routledge, 2009. 346 p.

Caracciolo M. Two Child Narrators: Defamiliarization, Empathy, and Reader-Response in Mark Had-don's *The Curious Incident* and Emma Donoghue's *Room* // *Semiotica*. 2014. Vol. 202. P. 183–205.

Denham K., Lobeck A. *Linguistics for Everyone: An Introduction*, 2nd Edition. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, 2013. 545 p.

Donoghue E. An interview with Emma Donoghue: интервью Э. Донохью Reading Group Guide. URL: <https://www.hachettebookgroup.com/wp-content/uploads/2017/06/ROOM-RGG.pdf> (дата обращения: 01.11.2021)

Falconer R. *Crossover literature* // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. Vol. 1 / ed. by Peter Hunt. New York: Routledge, 2004. P. 556–576.

Hatano G., Inagaki K. Young Children's Spontaneous Personification as Analogy // *Child Development*. 1987. Vol. 58, № 4. P. 1013–1020.

Hurst M. J. *The Voice of the Child in American Literature*. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 185 p.

O'Grady W. *How Children Learn Language*. New York: Cambridge University Press, 2005. 240 p.

Rubik M. Out of the Dungeon, into the World: Aspects of the Prison Novel in Emma Donoghue's *Room* // *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives* / ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. P. 219–240

Severson R. L., Woodard S. R. Imagining Others' Minds: The Positive Relation Between Children's Role Play and Anthropomorphism // *Frontiers in Psychology*. 2018. 9:2140. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02140/full> (дата обращения 27.06.2021).

Tomasello M. The usage-based theory of language acquisition // *The Cambridge Handbook of Child Language* / ed. by Edith L. Bavin. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 69–87.

Wall B. *The Narrator's Voice: The Dilemma of Children's Fiction*. New York: Palgrave Macmillan, 1991. 292 p.

References

Amzarakova I. P. Preuvelichenie i preumen'shenie kak markery rechevogo razvitiya rebenka: akmeologicheskii podkhod [Exaggeration and understatement as markers of a child's speech development: an acmeological approach]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2019, issue 2, pp. 123–133. (In Russ.)

Bashkatova Yu. A. Telesnaya metafora v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh [Body metaphor in English and Russian linguocultures]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, issue 2-2 (54), pp. 24–27. (In Russ.)

Voytkova N. K. *Lingvisticheskaya spetsifika izobrazheniya povestvovatelya-rebenka v sovremennom nemetskom khudozhestvennom narrative*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic features of depicting a child narrator in modern German literary narrative. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 22 p. (In Russ.)

Kvartskheliya Sh. M. *Kontseptual'noe modelirovanie yazykovogo obraza rebenka v angliyskoy realisticheskoy proze XIX veka*. Avtoreferat. diss. kand. filol. nauk [Conceptual modeling of the linguistic image of a child In English realistic prose of the 19th century. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Transl. by A. N. Baranov, A. V. Morozova; ed., introd. by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)

Popova A. R. Metaforicheskaya obraznost' v rechi rebenka doshkol'nogo vozrasta [Metaphorical images in the language of a preschool child]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2018, issue 189, pp. 178–188. (In Russ.)

Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. Serebrennikov B. A., Kubryakova E. S., Postovalova V. I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and the Picture of the World]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–69. (In Russ.)

Solntseva K. V. Slovoobrazovatel'nye sredstva angliyskogo yazyka kak sposob sozdaniya rechevogo portreta rebenka v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze [Word-forming means of the English language as a way to create a speech portrait of a child In English-language fiction]. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, vol. 4, issue 4, pp. 77–81. (In Russ.)

Solntseva K. V. *Yazykovye markery rechevoy kharakteristiki detskogo personazha v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Language markers of the speech characteristics of a child character In English-language fic-

tion. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 17 p. (In Russ.)

Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. Serebrennikov B. A., Kubryakova E. S., Postovalova V. I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and the Picture of the World]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–204. (In Russ.)

Tseytlin S. N. *Detskaya rech': Innovatsii formoobrazovaniya i slovoobrazovaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)*. Diss. dokt. filol. nauk [Children's speech: innovations in morphology and word formation (a case study of the modern Russian language). Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1989. 427 p. (In Russ.)

Chebotaeva I. M. *Olitsetvorenje v detskoj rechi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Personification in child speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 1996. 16 p. (In Russ.)

Shabalina O. V. *Struktura i funkcionirovanie metafory v detskoj rechi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The structure and functioning of metaphors in child speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2007. 24 p. (In Russ.)

Airenti G. The development of anthropomorphism in interaction: Intersubjectivity, imagination, and theory of mind. *Frontiers in Psychology*. 2018, 9:2136. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02136/full> (accessed 27.06.2021). (In Eng.)

Becket S. *Crossover Fiction: Global and Historical Perspectives*. New York, Routledge, 2009. 346 p. (In Eng.)

Caracciolo M. Two child narrators: Defamiliarization, empathy, and reader-response in Mark Had-don's *The Curious Incident* and Emma Donoghue's *Room*. *Semiotica*. 2014, vol. 202, pp. 183–205. (In Eng.)

Denham K., Lobeck A. *Linguistics for Everyone: An Introduction*. 2nd ed. Boston, MA, Wadsworth Cengage Learning, 2013. 545 p. (In Eng.)

Donoghue E. An interview with Emma Donoghue: Interview to Reading Group Guide. Available at: <https://www.hachettebookgroup.com/wp-content/uploads/2017/06/ROOM-RGG.pdf> (accessed 01.11.2021). (In Eng.)

Falconer R. Crossover literature. *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. By Peter Hunt. New York, Routledge, 2004, vol. 1, pp. 556–576. (In Eng.)

Hatano G., Inagaki K. Young children's spontaneous personification as analogy. *Child Development*. 1987, vol. 58, issue 4, pp. 1013–1020. (In Eng.)

Hurst M. J. *The Voice of the Child in American Literature*. Lexington, University Press of Kentucky, 1990. 185 p. (In Eng.)

O'Grady W. *How Children Learn Language*. New York, Cambridge University Press, 2005. 240 p. (In Eng.)

Rubik M. Out of the dungeon, into the world: Aspects of the prison novel in Emma Donoghue's *Room*. *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives*. Ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, pp. 219–240. (In Eng.)

Severson R. L., Woodard S. R. Imagining others' minds: The positive relation between children's role play and anthropomorphism. *Frontiers in Psychology*. 2018, 9:2140. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02140/full> (accessed 27.06.2021). (In Eng.)

Tomasello M. The usage-based theory of language acquisition. *The Cambridge Handbook of Child Language*. By Edith L. Bavin. New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 69–87. (In Eng.)

Wall B. *The Narrator's Voice: The Dilemma of Children's Fiction*. New York, Palgrave Macmillan, 1991. 292 p. (In Eng.)

Personification in the Speech of a Child Narrator (a Case Study of Novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Sacks)

Natalia N. Nikolina

Assistant in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-code: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Received 08.07.2021

Revised 14.09.2021

Accepted 17.11.2021

For citation

Nikolina N. N. Olitsetvorenje v rechi rasskazchika-rebenka (na primere romanov «Room» E. Donokh'yu i «All the Lost Things» M. Saks) [Personification in the Speech of a Child Narrator (a Case Study of Novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Saks)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 4, pp. 89–99. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99 (In Russ.)

Abstract. The article examines personification in the speech of a child narrator. Along with other grammatical and lexical features of a child's speech, the use of personification by children is distinguished. Personification in a child's speech, as well as in human speech, can be explained by metaphorical nature of human thinking as well as anthropocentrism of human thinking and speech.

Personification can be a characteristic of the speech of a child narrator in fiction intended for adult readership. It is worth noticing that the use of a child narrator as a device is not new in literature. In the course of research, we conducted an analysis of two modern novels written in English: *Room* by Emma Donoghue (2010) and *All the Lost Things* by Michelle Sacks (2019). The two novels tell the reader about a traumatic experience that happened to the children or their significant others. The novels discuss the topics of abuse (physical and psychological), abduction, isolation, lying and memory. The narrators in the chosen novels are children of preschool and primary school age (5 and 7 years old).

The analysis of the narrators' speech allowed us to find numerous examples of personification, expressed by different parts of speech. All the found examples can be divided into groups according to the object of personification: household items and objects of the world, parts of the human body, animals, abstract notions, plants, and inorganic nature. The analysis showed that personification as a characteristic of speech can fulfill several functions: make the narrator more plausible, express the narrator's emotions, communicate the reader the information that is crucial for the understanding of the plot.

Key words: child's speech; metaphor; anthropocentrism; personification.